

— Потому что все войны — из-за денег, — сказал Даво.

— Некоторые войны, конечно, — сказал Брилл.

— Нет, — сказал Даво. — Все.

Ник смотрел в огонь, не в силах найти энергию, чтобы дойти до своей холодной спальни. Зима использовала своё время наилучшим образом, посещая каждый уголок Ранвара.

— Это зависит от твоей перспективы, — сказал он.

— И пунктуации, — добавил Фанни с ухмылкой.

Они вчетвером сидели у камина в коттедже. Брилл переехал вместе с возом новой мебели, превратив довольно скромную комнату Симоль во что-то почти столь же грандиозное, как у Даво. Почти.

Он совсем освоился и, как и обещал, не давил на них, чтобы получить ответы. Он видел, как они возвращались в лагерь на спине Отца драконов, поэтому у него должно быть множество вопросов, однако он демонстрировал большую выдержку.

Однако он позволил любопытству взять верх над собой по поводу того, почему их вызвали к директору. Справедливости ради, у него был личный интерес в этом вопросе, поскольку директором был его отец.

Ник дал ему краткое описание проблемы, придерживаясь фактов, хотя и не в полной мере. Он ничего не сказал о роли, которую сыграла Секретная служба, или о том, что агенты, вероятно, наблюдают за ними прямо сейчас. Тонкие различия в работе, которую посчитали плагиатом, стали как объяснением, почему их ошибочно обвинили в обмане, так и доказательством, которым он доказал свою невиновность.

Брилл не защищал и не критиковал действия своего отца, но у него возникли некоторые вопросы о предполагаемом предубеждении Даво о финансовой природе войны.

— А как насчёт приобретения земли?

— Деньги, — сказал Даво. — Я удивлён, что ты вообще задал этот вопрос.

Брилл вздохнул и задумался, а остальные тем временем впитывали тёплый жар от огня.

— Сегодня вечером будет морозно, — сказал Фанни.

Даво приподнялся и наклонился вперёд.

— Перед тем, как я уехал из дома, отец сообщил мне о новом замечательном изобретении — одеяло называется. Очень продвинутое. Он надеется заполнить ими склады, как только усовершенствуют их дизайн. Может, ты хочешь, чтобы я заказал одно для тебя?

— Спасибо, я знаю о технологии, о которой ты говоришь. Проблема в том, что у меня пальцы ног торчат снизу.

— Может, ты хочешь, чтобы тебя пеленали, как ребёнка? — сказал Даво с максимально широкой ухмылкой.

Фанни приподнялся, чтобы возразить, но подумал и опустил обратно.

— Да, на самом деле, хочу.

— Надень носки, — сказал Ник.

— Это не то, — пробормотал Фанни.

— Как дурень типа тебя оказался в рейтинге выше кого-то вроде меня, — с горечью сказал Даво. Это был не первый раз в тот вечер, когда он выразил своё потрясение. — Мне очень хочется потребовать пересчёт.

— Гордость, месть, религия, — сказал Брилл, поднимая три пальца один за другим.

— Деньги, деньги, деньги, — ответил Даво. — На всё это можно установить денежную стоимость.

— Ой, да ладно, — сказал Брилл. — Если думать вот так, то всё имеет денежную оценку.

— В точку. Я рад, что ты понял, о чём я.

— Нет, я не понял, — настаивал Брилл. — Не всё. Мужчины идут на войну не только из-за денег. Посмотрите на вопрос, который у нас был по военной истории: герцог Верман отправился на войну с Ниммерией не по финансовым соображениям.

Остальные трое повернулись, чтобы посмотреть на него.

— Хорошо, он получил финансовую выгоду, но не она была причиной начала войны.

— Тогда какая причина? — спросил Даво.

— Убийство канцлера Джонки.

— Итак, Верман убил своего собственного канцлера, — сказал Даво, — и затем объявил войну городу-государству в тысяче лиг от него. Зачем?

— Ты собрался меня тестировать, Даво?

— Думай об этом как о проверке. Если ты собираешься здесь жить, тебе нужно освоиться и с нашими методами.

Брилл кивнул, охотно согласившись с этим предложением.

— Герцог Верман отправился на войну с Ниммерией, потому что канцлер Джонки был братом главы Ниммерии.

— Хранитель Джонки, — сказал Фанни. — Ключ в имени, — усмехнулся он.

— Спасибо, мистер Боствэр, — кивнул Брилл, не поняв намёк Фанни.

— Но Ниммерия не объявляла войны, — сказал Даво. — Это сделал герцог.

— Он знал, что хранитель Джонки захочет отомстить — не из-за денег — за смерть своего брата, и решил ударить первым.

— И почему герцог убил своего канцлера? — спросил Даво.

— У него был роман с женой герцога, — без колебаний ответил Брилл.

— Нет, — сказал Даво.

— Нет? — сказал Брилл. — Что ты имеешь в виду под «нет»?

— Нет, — подтвердил Ник.

— Нет, — добавил Фанни.

— Это написано в официальных хрониках, — сказал Брилл, немного менее уверенный в себе.

— У него не могло быть романа с герцогиней, — сказал Даво. — Он был импотентом.

— С каких это пор? — сказал Брилл, теряя самообладание. — Откуда вы можете это знать?

— С тех пор, как он был мальчиком. У него произошёл несчастный случай с лошадью.

— С пони, — сказал Ник.

— Да, прости. С пони. Подкова, в любом случае. Он пнул его в довольно неудачное место, из-за чего его ствол стал полностью нерабочим. Его прозвали Вонки-Джонки, то есть «нерабочий» Джонки. Его друг детства стал путешественником, написал много мемуаров и подробно рассказал о своих детских воспоминаниях. Вонки-Джонки была посвящена отдельная глава.

— Вонки-Джонки, — захихикал Фанни.

— И где эти мемуары? Как они называются? — спросил Брилл.

— «Путешествие ниммерийского моряка», — сказал Даво. — Третий том из, кажется, двенадцати.

— Негрил Арранки, Белый пират Ниммерийского залива, — сказал Фанни. — Я думаю, что он придумал этот титул, так как больше никто не упоминал никакого Белого пирата.

Голова Брилла дрожала, когда ответы летели в него со всех сторон.

— Я никогда не слышал о нём или этой книге, — сказал он.

— Единственная копия, которую я видел, находится в Либрариуме, — сказал Ник. — О ней нужно спрашивать у библиотекарей.

— Ты её прочитал? — спросил Брилл Ника.

— У Ника какой-то пунктик по поводу мемуаров, — сказал Даво. — Если ты сам когда-нибудь напишешь, у тебя гарантированно будет один читатель.

— Но если было известно, что он был... недееспособен в этом смысле, почему нас учили

другому?

— Семья была смущена, — сказал Ник. — Они были сильны и богаты. Они убрали это происшествие из хроник, всё, что связано с этим, уничтожили. То есть почти всё. Они предпочли, чтобы его обвинили в неверности и в том, что он был бабником. Звучит гораздо... мужественнее, я полагаю.

Брилл откинулся назад, погрузившись в большое кресло, любезно предоставленное «Конолинг и сын».

— Повзрослев, он переехал в новый город, — сказал Даво, — и нашёл работу у герцога. Он приехал из Ниммерии и, как считалось, был хорош в финансовых вопросах.

— Но тогда почему его убили? — спросил Брилл.

— Плохие кредиты, — сказал Даво. — Дело всегда в деньгах.

— Кредиты кому?

— Герцогу. От Ниммерии, города банков.

— Банковское дело было изобретено в Ниммерии, — согласился Брилл, — но это было намного позже.

— Нет, — сказал Даво. — Герцог Верман сжёг город до основания, уничтожив всю ниммерийскую культуру, но ниммерийцы хранили идею банковской деятельности, пока у них не появилась возможность отстроиться. На это потребовалось несколько сотен лет.

— И ты прочитал это в чьих-то мемуарах? — спросил Брилл Ника.

— У Ниммерии было четыре главы, — сказал Ник, — по одному от каждого дома, которые были банками. Этих глав называли хранителями, что на их языке было сокращением от «бухгалтер».

— Ключ в имени, — сказал Фанни. Затем он снова начал хихикать. — Вонки-Джонки.

— В современном Нимме есть только один банк, — сказал Ник. — Он называется «Банк четырёх».

— Ладно, ладно, — сказал Брилл, изо всех сил пытаясь оставаться скептиком. — Предположим, что у них была банковская деятельность, и они одолжили деньги герцогу. Почему это заставило герцога убить своего канцлера?

— Канцлер и договорился об этом кредите, — сказал Даво. — Кредите от его брата. Его взяли, чтобы починить протекающую крышу дворца.

— Откуда ты?..

— В библиотеке Вермана сохранились записи о расходах и издержках тех времён, — сказал Ник. — Канцлер Джонки делал скрупулёзные заметки на пергаменте отличного качества, прежде чем ему отрезали конечности. Нужно попросить, чтобы посмотреть их. Я про записи, а не конечности.

— И он не мог вернуть кредит? — спросил Брилл.

— Плохой урожай означал снижение поступлений от налогов, — сказал Даво. — Небольшая задержка в погашениях — не конец света. Боюсь, сделка, которую заключил канцлер, была не очень хорошей. Проценты быстро стали в три раз больше первоначального кредита. Как ты можешь представить, герцог не был доволен, и он считал, что братья сговорились против него. Лично я думаю, что заговора не было и это был их стандартный контракт. Но канцлер, несмотря на его отличное и точное ведение заметок, не был хорошим бизнесменом. Нельзя обманывать своих клиентов, умышленно или нет, если надеешься надолго остаться в мире торговли.

— Они не были бизнесменом и клиентом, — сказал Брилл. — Они были герцогом и канцлером.

— Одно и то же, — сказал Даво. — Это основа любого конфликта: клиент никогда не должен думать, что его обманывают, даже если так оно и есть. Клиенты всегда должны процветать в ущерб тебе; или, по крайней мере, так должно быть. Они должны быть уверены, что заключили лучшую сделку. Даже когда они капитулируют. Особенно когда капитулируют. В противном случае война не закончится, это будет просто перерыв. Успех военных действий Ранвара всегда основывался на враге, принимающем нашу помощь в восстановлении. Страх и запугивание, чтобы завоевать победу, торговля и сотрудничество, чтобы удержать их. Такой подход разумен с экономической точки зрения.

— Разве весь смысл не в том, чтобы размалывать своего врага в пыль? Разве не так строятся империи? — спросил Брилл. — Я не думаю, что подобный мягкий подход, о котором ты говоришь, возможен. Ранвар превосходит наших соседей по всем аспектам. Они делают то, что мы им говорим.

— Если у меня будет пять клиентов, и на нашей сделке каждый из них будет зарабатывать по две золотых монеты, а я по — одной, то у каждого из них будет две золотых, а у меня — пять. — Даво улыбнулся. — Война и бизнес — одно и то же.

— Итак, всякая война — это коммерческое предприятие, а воины и генералы — как торговцы без роду и племени? — Брилл говорил, слегка ошеломлённый, и понял, что сказал, только когда слова вылетели из его рта. — Не то... я не имел в виду...

— Нет, нет, — сказал Даво. — Ты прав. Это основа. Бизнес является частью нашего менее замечательного характера, как и война. Но лучше понять это и научиться выживать, чем альтернатива.

— Я... я... — Брилл пошатывался, садясь. — Почему он просто не отказался вернуть деньги?

— Я не знаю, — сказал Даво. — Предполагаю, что он рассердился. Ты когда-нибудь видел действительно сердитого клиента? Дебютантку, чей каблук сломался посреди королевского бала? Когда она танцевала с желанным принцем какого-то неслыханного княжества? Уверяю тебя, без правильного обращения эта молодая особа с удовольствием бы сожгла «Конолинг и сын». Но всегда есть способ разобраться с ситуацией так, что удовлетворены будут обе стороны. Было бы достаточно снизить процентные ставки и назвать это канцелярской ошибкой. В долгосрочной перспективе все потери могли быть возмещены.

— Возможно, им следовало вернуть герцогу деньги, — сказал Фанни.

— Полегче, — сказал Даво. — Давай не будем пытаться менять колесо на двигающейся телеге. Канцлер Джонки и хранитель Джонки были авторами собственной кончины и их народа.

— Но уничтожить город, — сказал Брилл, — убить десятки тысяч из-за спорного договора...

— Не все из них умерли, Большинство попали в рабство. В конечном итоге, герцогу эта сделка принесла огромную прибыль. — Даво засмеялся. — Это была идея его нового канцлера. Им был человек, который знал, как управлять базовым коммерческим предприятием.

— Похоже, ты одобряешь рабство, — сказал Фанни.

— Конечно, нет, — сказал Даво. — Это презренный, бесчеловечный поступок — заковывать другого человека в цепи. Но чисто как финансовое предложение, — в контексте, как ты понимаешь, — это был проницательный шаг. Это позволило получить твёрдый финансовый фундамент, на котором в конечном итоге строился Ранвар. Кстати, этим новым канцлером был Филум Мендум. Возможно, ты слышал это имя.

— Ответственный канцлер? — сказал Брилл. — Да, я слышал о нём.

— Этот человек был легендой, — сказал Даво с необузданной убеждёностью. — Невоспетый герой.

— Тогда они должны были дать ему более захватывающий титул, чтобы его запомнили, — сказал Фанни.

— Ты ничего не понимаешь. Он был не просто «Ответственным канцлером». Он был «Канцлер:

Ответственный». Канцлер, двоеточие, ответственный. Они осознавали его роль и отразили это в хрониках.

— Нет, это не так, — сказал Ник.

— О чём это ты? — сказал Даво.

— В хрониках оно записано не так.

— Но я видел.

— Нет, он ни разу не был написан как «канцлер, двоеточие, ответственный». Единственный, кто так пишет, это ты.

— Но я уверен... я был уверен, что видел... Я имею в виду...

Ник покачал головой.

— Возможно, тебе это приснилось, и ты подумал, что это реально, — сказал Фанни. — Иногда со мной тоже такое происходит: я просыпаюсь и думаю, что в кладовке есть фунтовый кекс. Но его там нет, ведь я его уже съел. И вот так каждый раз.

Даво, закрыв рот рукой, проигнорировал его, переосмысливая неверные факты, на которых построено его понимание истории.

Фанни наклонился к Бриллю.

— Даво снится подведение баланса и цифры, аккуратно записанные в колонках. Ник, возможно, только что разрушил его мир.

— Но если ты знал, что я ошибался, — сказал Даво, — почему не поправил меня?

— Я не говорил, что ты ошибался, — сказал Ник. — Твою интерпретацию могут заметить. Когда люди записывают события, они хотят, чтобы их читали определённым образом. Они хотят, чтобы ты думал так же, как и они. Иногда более достоверные факты скрыты под очевидными. Иногда нарочно, иногда нет. Я всегда замечал, что, когда соберёшь важную информацию и позволяешь ей перевариться в голове, важные вещи имеют свою собственную цель. Они поднимаются в твоих мыслях и заявляют о себе. Это инстинкт, такой же мощный, как инстинкт, заставляющий хорька вцепляться в горло кролика. Может быть, это твоё видение роли канцлера Мендума правильное.

— Я не понимаю, — сказал Брилл, ещё более неуверенный в себе, чем Даво. — Если всё это известно, почему мы учили, что Битва двух городов произошла из-за ревнивого мужа? Вы думаете, что понимаете историю лучше наших учителей?

— Они знают, — сказал Ник. — Если ты напишешь ответы, которые давали они, они поставят максимальное количество баллов. Но они выдадут дополнительные баллы, если написать им ответы, которые они не давали.

Брилл опустился в кресло.

— Здесь всегда так? — спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Да, — сказал Фанни, сползая на своё кресло. — Изнуряюще, правда?

— Действительно, — сказал Брилл. Он встал. — Мне нужно прилечь.

Он оставил трёх мальчиков, сидящих вокруг камина, потирая лоб и тяжело вздохнув, когда закрывал дверь в свою комнату.

— Как думаете, он шпионит за нами? — спросил Фанни тихим голосом, который был едва слышен на фоне потрескивающего огня.

— Очевидно, что да, — сказал Даво. — Он сам нам так и сказал. Он отчитывается перед отцом.

— Да, я знаю. Но я имею в виду, на самом деле.

— Да, на самом деле, — сказал Даво. — Он сказал это вполне конкретно.

— Почему он сказал нам об этом? — сказал Фанни, немного раздражённый глупостью Даво.

— Потому что, — сказал Даво, — либо он считает нас настолько уступающими ему, что считает, что мы не сможем ничего с этим поделать, либо он немного странный.

— Либо он хочет, чтобы мы знали, что он на самом деле не собирается шпионить за нами, а будет просто притворяться. Хотя, как ты только что сказал, я начинаю думать, что он немного странный.

— Не похоже, что за нами не следят другие люди, — сказал Ник.

Фанни выпрямился и оглядел комнату.

— Как думаете, прямо сейчас здесь есть агенты?

— Возможно, — сказал Ник.

— Прямо сейчас, — подчеркнул Фанни.

— Ты в холодную погоду слышишь плохо? — сказал Даво. — Да, прямо сейчас. В комнате их, вероятно, полным-полно. В каждой комнате.

— Даже в туалете?

— Да. И даже тогда, когда ты внутри.

— Полагаю, их обучали такого рода вещам

— Самоубийственным миссиям? — сказал Даво.

Фанни продолжал оглядываться; тени, отбрасываемые из-за огня, прыгали по стенам.

— Если они здесь, я могу воспользоваться ими, чтобы улучшить свой детектор.

Ник оторвал взгляд от огня.

— Архимаг сказал, что собирается отправить тебе что-то, чтобы помочь с этим. Ты получил это?

Фанни покачал головой.

— Вероятно, оно у Денкне, — сказал Даво. — Ты должен спросить у него.

Фанни вздрогнул.

— Что я скажу? Он слегка жуткий, вы не находите? Не знаю, как мне подойти к нему.

— Это просто, — сказал Даво. — Стучишь ему в дверь и говоришь: «Кажется, у вас лежит посылка для меня, добрый человек. Отдайте её, да поживее, поживее», а затем даёшь ему несколько монет за причинённые неудобства. Что может случиться хуже этого?

— Он может уничтожить меня молнией, — сказал Фанни. — Как думаешь, он маг чего?

— Может быть, что-то связанное со льдом? — сказал Даво.

— Белые волосы, лёд... Да, понимаю. Я думал на молнию, но лёд лучше. Превращать людей в замороженные статуи.

Дальше было больше бессмысленных предположений о специализации Денкне, но внимание Ника вернулось к огню.

Он пытался решить, как действовать. Если он ничего не будет делать и будет вести себя как обычный ученик, то, когда что-нибудь случится, он будет не лучше и не хуже того, кем является сейчас.

Без знания, как подготовить себя, всё, что он предпримет, не будет иметь значения.

Если он продолжит искать ответы о Виннум Роке, демонах и магах, объём информации, с которой он будет работать, вырастет. Это означает, что шансы наткнуться на что-то полезное тоже вырастут. Но он мог искать не в том месте, если предполагать, что ожидающийся открытия ответ вообще есть.

Он верил в то, что сказал Даво: что знания накапливались и жили внутри них. Он не знал, как это работало, но если в сознании были кусочки паззла, то рано или поздно они сойдутся достаточно близко, чтобы дополнить друг друга. Такое происходило с ним слишком часто, чтобы сомневаться на этот счёт. Ответ всегда приходит, нужно было просто распознать, когда это произойдёт. И затем нужно выяснить, что с ним делать. В некоторых случаях ответ может прийти и уйти, оставшись незамеченным.

Он был уверен, что этого ещё не произошло. Достаточно уверен.

— Ник?

— Хм? — сказал Ник.

Фанни смотрел на него, чуть ближе, чем Нику было бы комфортно.

— Я сказал, как ты думаешь, директор попробует снова выгнать нас?

Ник покачал головой из стороны в сторону.

— Я не знаю. Может быть, если представится возможность. Обоснование должно быть более серьёзным, чем в этот раз. Непотопляемым. Я сомневаюсь, что он найдёт что-нибудь подобное. Если только один из нас не допустит ошибку.

Три мальчика посмотрели друг на друга, сузив глаза.

— На счёт три, — сказал Даво. — Раз, два, три...

Даво и Ник указали на Фанни, Фанни указал на Даво.

— Что! — сказал Фанни. — Это не я. Я на третьем месте!

— Возможно, никто из нас, — сказал Ник, опустив руку. — Он не мстительный человек, он просто хочет защитить своих учеников любой ценой, и если он чувствует, что нужно причинить вред, чтобы защитить их, это только придаст ему решительности, так как его личные страдания являются подтверждением важности усилий. Он прагматичен, когда делает выбор, который он считает наименее вредным для большинства учеников, но из-за этого его тяжело убедить.

— Вот почему ты предложил ему опустить нас в рейтинге? — сказал Даво.

— Да. Ему было трудно отказаться от такого предложения, где все что-то получают, но он взял на себя самый большой риск. Его карьера может закончиться, если совет подумает, что он переступил границы дозволенного.

— Бриллу, должно быть, тяжело, — сказал Фанни.

— Нет, я так не думаю, — сказал Ник. — Он не заставит Бриллу взять на себя его ношу. Я даже не думаю, что он послал его сюда шпионить за нами. Скорее всего, он хочет подвергнуть своего сына опасному элементу, как заражают детей ветрянкой, чтобы сделать их сильнее. Мы прививаем его против худших вещей, с которыми он столкнётся позже. Вероятно, директор сейчас дома волнуется о том, что мы можем внушить его мальчику, но он не вмешается, если это не будет абсолютно необходимо. Его страдания только подтверждают, что его решение было верным.

Ник поднял глаза, чтобы обнаружить, как двое других уставились на него.

— Что?

— Знаешь, — сказал Даво, — всякий раз, когда я испытываю подавляющее чувство страха и беспокойства из-за демона, который сидит в тебе, я напоминаю себе, насколько страшен и как нервировать ты. Демон, наверное, сидит в уголке и надеется, что ты его не заметишь.

— Ты думаешь, что я страшен? Почему?

— Ты встречался с директором сколько раз? Дважды? И ты его разделал, как на экспериментах

по биологии. Можешь ли ты сделать то же самое со мной и Фанни? Разделить нас и посмотреть, как мы работаем? Нет, нет, я не хочу знать. Я иду спать.

— Смотреть сны о прибыли, — громко прошептал Фанни Нику.

Оба мальчика встали и пошли в свои комнаты, оставив Ника перед камином. Он сидел и думал. Подумать ему было о чём. Разум перелетал от одного ядра информации к другому, и тем пиком, тем местом, куда его ум возвращался вновь и вновь, была книга сказок, написанная Виннум Роке.

Он обдумал бесценные тома запрещённого знания, которые прочитал в Либрариуме и к которым он больше не имел доступа. Они содержали много ценных самородков просветления, но ни в одном из них не было той глубины знаний, которую он ощущал в этих простых сказочных историях. Проблема была в том, как их выкопать. Ему казалось, что он пытается добыть уголь голыми руками.

Она оставила истины, скрытые за рассказами. Почему? Почему бы просто не оставить чёткие указания, вырезанные на склоне горы?

Он уже пришёл к выводу, что в Королевском колледже был кто-то, кому она не доверяла. Проще всего было предположить, что это был сам демон в каком-то обличье, но могла ли Виннум Роке не опознать самозванца и иметь дело с ним напрямую?

Он чувствовал, что она боялась кого-то другого. Одного из её собственных людей. Возможно, даже не одного. Ты скрываешь подсказки только тогда, когда не хочешь, чтобы твои секреты узнали нежелательные люди, но также нужно быть уверенным, что правильные люди знают, где искать твоё важное сообщение.

И всё же книга — или, по крайней мере, её версия — была практически в каждом доме. Кажется, это не соответствовало намерениям ни той, кто её написал, ни тех, от кого она что-то прятала.

Какой-то человек не смог её расшифровать и сделал эту книгу доступной всем, и она стала настолько распространённой, что потеряла смысл, стала просто историями. Кто мог подумать, что в ней скрыто что-то особенное, когда её так просто достать?

Оригинал был написан, когда Виннум Роке была Архимагом в Королевском колледже. Когда она ушла, кто-то должен был санкционировать публикацию книги. Если бы он смог узнать, кто именно, возможно, это указало бы на... что-то. Он действительно понятия не имел, что его ум пытался сказать ему.

Он всё ещё сидел и думал несколько часов спустя, когда Брилл вышел из своей комнаты, чтобы воспользоваться ванной.

В камине остались одни угли. Ник просидел в одной позе всю ночь, глаза были закрыты, а на внутренней стороне век до сих пор плясал огонь.

Брилл издал тихий, насмешливый смех.

— Я думал, ты учишься.

Ник подождал, пока Брилл не успокоится, а затем очень тихо сказал:

— Так и есть.

<http://tl.rulate.ru/book/4550/259403>